

Голос был хриплым, по-юношески нежным и приятным.

Чжоу Цзылан обернулся и увидел худощавого подростка в одеянии секты, который стоял, покорно опустив голову.

Мальчик был невысоким, со впалыми щеками — такой вид обычно бывает у тех, кто долгое время недоедал. Его одежда сидела мешковато, с плеч постоянно сползала ткань, обнажая болезненно бледную кожу.

При виде этой картины у Чжоу Цзылана невольно дернулось веко.

Разве это не то самое описание, с которым главный герой Шан Сюань впервые появляется в оригинальном романе?

Если прикинуть, то по сюжету Лан Юэ уже должен был взять Шан Сюаня в ученики. К тому же, паренек только что назвал его учителем — тут и спорить не о чем.

Чжоу Цзылан почувствовал, как жизнь теряет всякий смысл.

Изначально он надеялся пропустить церемонию выбора учеников и просто не принимать Шан Сюаня, рассчитывая, что так удастся избежать беды. Но теперь этот план провалился.

Оставался лишь второй вариант — прикончить Шан Сюаня!

Честно говоря, Чжоу Цзылан, добропорядочный молодой человек, который даже на электроскутере всегда ездил в шлеме, никогда никого не убивал. Но сейчас на кону стояла его собственная жизнь: если он не убьет Шан Сюаня, то в будущем убьют его самого.

А почему он не задумывался о том, чтобы воспитать из Шан Сюаня достойного человека? Да потому что он был ленив. К тому же жизнь Шан Сюаня с самого детства была сущим адом: даже его собственная мать погибла от рук самых близких людей. Его мировоззрение давно было искажено и не подлежало исправлению — он был обречен встать на путь зла.

Убрать его, пока он еще слаб, — разве это не идеальное решение? И хлопот меньше, и лишний рот кормить не нужно.

Чжоу Цзылан размышлял об этом без тени сомнения, не испытывая ни малейшего чувства вины за предстоящее убийство. Он был типичным эгоистом, который хотел лишь одного — выжить, и старался не лезть в дела, которые могли ему навредить. Но если в реальном мире его сдерживали правила, то здесь, в мире, где царил культ силы, убийства ради наживы были делом обыденным. Это как раз играло ему на руку.

Опираясь на плечо Шан Сюаня, Чжоу Цзылан медленно поднялся с земли. Он покосился на подростка, который едва доставал ему до плеча, и, не подавая виду, раскрыл ладонь, мысленно произнеся: Гуюнь.

Дзынь!

Раздался звук разрезаемого воздуха, но меч Гуюнь не появился в руке хозяина. Вместо этого он вальяжно завис прямо перед ним, даже перевернулся в воздухе, слегка мерцая, словно выпрашивая похвалу.

Чжоу Цзылан замер.

Какой идиот, собираясь совершить тайное убийство, выставляет свое оружие прямо перед носом у жертвы?

А, это же он, Чжоу Цзылан.

Разве не говорили, что Гуюнь так же холоден и горд, как и его хозяин, и никогда не опускается до того, чтобы показываться на людях? Почему же этот меч, который он только что призвал, так отчаянно жаждет внимания?

Кто кого захватил — он Лан Юэ или меч захватил чей-то разум?

Как теперь убить Шан Сюаня, когда меч ведет себя как полный идиот?

— Учитель, это ваш меч Гуюнь? — Шан Сюань склонил голову, и его черные, как обсидиан, невинные глаза с любопытством уставились на клинок.

Чжоу Цзылан, не моргнув глазом, взял Гуюнь и, слегка кивнув, протянул его мальчику:

— Да. Познакомься с ним, в будущем он научит тебя летать на мече.

Гуюнь: ??? Вы в своем уме?!

Меч, который до этого радостно вибрировал, внезапно застыл, и даже его мерцание погасло. Чжоу Цзылан хоть и не понимал языка мечей, но отчетливо прочел на клинке немое изумление.

Хм, не зря он был духовным мечом Лан Юэ, весьма разумен.

Пока Чжоу Цзылан размышлял, он не заметил, как в черных глазах подростка на мгновение вспыхнул красный огонек, полный убийственного холода и жажды крови.

Гуюнь, который до этого раскалился от возмущения, мгновенно присмирел и остыл, стоило ему почувствовать перемену во взгляде Шан Сюаня.

Красный свет в глазах мальчика быстро погас, и он снова принял свой безобидный вид, протянул руку и взял Гуюнь, по-юношески улынувшись:

— Я понял, учитель. Спасибо.

Сердце Чжоу Цзылана обливалось кровью, но ему пришлось сделать вид, что он невероятно щедр, и небрежно махнуть рукой, сохраняя невозмутимый облик бессмертного Лан Юэ.

Это же Гуюнь! В оригинале он стоил целое состояние!

Видя, как Шан Сюань совершенно естественно прибрал меч к рукам, Чжоу Цзылан едва не зарыдал. Он зажмурился, твердя себе, что просто одолжил его на время, а не отдал навсегда, и не стоит так нервничать.

С этим тяжелым чувством на душе Чжоу Цзылан, опираясь на Шан Сюаня, вернулся в лесную резиденцию.

По сравнению с другими пиками секты, гора Чунмин была не только тихой, но и особенно скромной. Если говорить прямо — она была бедной.

Хотя вокруг было чисто и опрятно, от всего веяло нищетой. Чжоу Цзылан молча разглядывал маленькую бамбуковую хижину. Несмотря на то что он морально готовился к этому, реальность оказалась трудноперевариваемой.

Бессмертный Лан Юэ из романа был одержим культивацией и тратил все свои деньги на самосовершенствование. А когда он взял в ученики Шан Сюаня, то начал безумно вкладываться в него, чтобы вырастить духовные корни ученика для своих целей. Поэтому у самого Лан Юэ накоплений не осталось.

Для Чжоу Цзылана, который терял чувство безопасности без денег в кармане, это было сущим кошмаром.

— Учитель? — Шан Сюань поднял голову, встретившись взглядом с рассеянным учителем. Его брови едва заметно дрогнули, но голос остался таким же покорным и наивным. — Учитель, вам нехорошо? Нужно ли мне позвать бессмертную Лянь Цзи?

Лянь Цзи была бессмертной с горы Яошань и славилась своим мастерством в алхимии.

Услышав голос Шан Сюаня, Чжоу Цзылан пришел в себя и спокойно махнул рукой:

— Нет, иди принеси воды, я хочу искупаться.

С этими словами он первым вошел в хижину и закрыл дверь, отгородившись от посторонних глаз.

Шан Сюань замер, и его наивность постепенно сменилась игривым выражением. Он заложил одну руку за спину, и в его осанке промелькнула небрежность. Казалось, в одно мгновение из несмышленного подростка он превратился в того, кто привык властвовать. В черных глазах снова вспыхнул алый свет, кончик языка коснулся щеки — он был похож на волка, ожидающего своей добычи.

Он поднял руку, и Гуюнь бесшумно появился на его ладони. Меч был тусклым, лишенным прежнего величия. Если бы он не видел своими глазами, как Чжоу Цзылан отдал его, он бы решил, что это дешевая подделка.

Шан Сюань погладил клинок длинными пальцами и тихо усмехнулся:

— Лан Юэ, о, Лан Юэ... Кто бы мог подумать, что спустя столько лет мы снова встретимся. В прошлой жизни ты вырвал мои духовные корни этим самым мечом и терзал меня, но умер так легко, что это не утолило моей ненависти. В этой жизни... мы будем играть долго.

Юноша прошептал это с такой злобой, что слова прозвучали как ночной кошмар, а затем, улыбаясь, удалился.

Демонический владыка, который когда-то подчинил себе племена демонов и прошел через весь континент Цинлуань, в момент своего высшего прорыва был поражен небесной молнией и переродился. Он не растерялся, а легко принял реальность.

Потому что нашел себе интересную игрушку.